

Пельмени

Рассказ об одном семейном застолье

1.

После вопроса, есть ли в доме пшеничная мука, последовал другой, пристрастный: а хватит ли сала свиного или... обойтись варениками?

- Ну уж нет!

- Вареники не нравятся? – Послышалось сверху. - А чем плохи мои вареники? – Дверцы навесного шкафа загудели металлически, и мама, наконец, закрыв их, осторожно, придерживая полы халата, спрыгнула с табуретки. Запястьем поправила очки. – На пельмени муки маловато...

- Сало нашел! Я же говорил, девки, там кусок должен остаться.

Из холодильника потянуло зимой. Мама будто и не слышала папиной реплики и стала медленно собирать таявшие льдинки, выпавшие из морозильной камеры.

- Отойди, Века. И не вертите, мадам, попой!

Мама разогнула спину, чтобы уступить место, но все-таки они столкнулись в кухонной тесноте - между холодильником и раковиной, и мама протяжно запищала, как от щекотки, на всякий случай зажмурившись:

- А-а!

Папа, радостно подмигнул мне и спиной к раковине затрусил задом, напирая на маму. А затем, совсем уж в задоре, кинул мороженое сало на стол и начал вытанцовывать твист поморгуновски.

- Ну отойди, говорю! – писк постепенно перерастал в визг.

- Сначала вы тушите одну папиросу...

Папины телодвижения зажали маму к раковине, и она поневоле уткнулась носом в висящее на гвозде полотенце. Хотела - от удовольствия прикусив нижнюю губу - поднять колено для пинка, но папа атаковал еще сильнее.

- ...а потом другую...

- Я тоже буду пельмени лепить!

- «Я твои пёрья нежно поглажу рукою...»

- А кто сказал, что будут пельмени?

- Мама, давай пельмени!

- «Ну-у ма-ама, дава-ай пельме-ени!» - Папа произносил эту фразу низко и гормонально, с капризной интонацией.

- Я не так говорю. Это Наташка так говорит. Я хочу пельмени!

- Отец, иди за мукой.

- А почему я? Вон Танька пусть сходит! Пробздится хоть! Ты на улице когда последний раз была? – Сказал и на всякий случай подтянул на голый живот трико, перестав подтанцовывать.

- Не «Танька», а «Таня»! – Поправила мама.

- Пусть Наташка идет! Я долго буду одеваться!

- Наташка!!

- Ладно, сам схожу за харчами. Вас, девок, ждать – с голоду помрешь.

И пошел надевать рубашку.

2.

Мясорубка скрипела, чмокала, как нагруженная телега, меля кусочки говядины и свиного сала с луком и чесноком.

- Отец сам посолит. На глаз, - мама, поджав от усердия губы, быстро перемешивала руками фарш.

Я жадно вдохнула в себя запах мяса и лука.

Моя бы воля – ела фарш ложкой с хлебом. Я почти уткнулась в тарелку носом.

- Перестань.

Раздался дверной звонок. Папа всегда стучал четкой дробью. Или звонил, как бьют в колокола, – радостно, залпом. Это повелось еще со времен полигонов: папа ездил на стрельбища и когда возвращался, для оповещения применял свой «фирменный», как говорила мама, стук или звон. Я пошла открывать и забрала пакет с мукой.

А потом солили и перчили фарш. Слегка выпятив живот, папа бросал в тарелку щепоть за щепотью. В его точном жесте было что-то от благословения. При этом всегда помалкивали – боялись пересола.

- Девки, сначала - перекур!

В детской комнате на полу лежал острый клинок солнца. Сестра сидела за столом и делала вид, что возится с уроками, а я легла на кровать с книгой. Нам, старшекласницам, говорить было почему-то не о чем, а мне как старшей особенно.

Тут в самое острое клинка, из-за шифоньера, заслонявшего дверь, вошел папа. Сначала появилась его голова, а потом и он сам. В глазах бегали веселые огоньки – значит, началась игра! К нам крался хитрый лис, и мы, глупые куры, вот-вот начнем кудахтать и сжиматься, боясь папиной щекотки. Но мы с Наташкой держали паузу, с трудом пряча улыбки.

Папа стоял у стола и, вдруг, почему-то забыв, что он хитрый лис, начал бить чечетку, пока с ног не слетели тапки.

- Че гузки прижали? А, девки?

- Я щекотки боюсь, - не выдержав, сказала сестра, почти не разжимая губ. Ей стало совсем смешно.

- Щ-щикотки! – Папа повернулся к ней, растопырив руки.

- Нет, ще-котки. А-а, только не щекоти!

- А че делаешь-то? – папа заглянул в Наташкины «уроки». – Журналы опять разрисовываешь? Изукрашиваешь, значит?

Сестра заслонила рукой лица манекенщиц из старой «Крестьянки».

- Нет.

- А ты че делаешь? – Это уже ко мне. – «Гаргантюа и Пантагрюэль»? В школе задавали? Нет? Чита-ал. Ну и книжка!

- Ага, сам прочел оба тома – залпом. – Я рассмеялась, вспомнив, как папа читал Рабле.

- Да просто взять нечего было. Ты лучше «Москва и москвичи» почитай! У-у! Такая вещь, я тебе скажу... А чего гузки прижали? Девки, идите помогать матери. Кто пельмени лепить будет?

3.

На кухонном столе с бледно-голубой столешницей, изрезанной ножом, под целлофаном томился большой колобок. Мама убирала катышки лишнего теста, насыпала рядом свежую муку.

Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... Когда-то от моей бабушки Лиды должен был уйти колобок. Но он так и скис на горячем от летнего солнца подоконнике. Его вылепили специально для меня в пельменной столовой, где несколько лет работала моя бабушка. Никто, кроме меня, не верил, что колобок живой и укатится восвояси.

- Я буду катать.

Пошла мыть руки в ванной. А там – воды нет! Папа стоял, глядя на пыхтящий воздухом кран, и задумчиво чесал голову.

- А ну-ка, полей! Из чайника!

В чайнике воды оказалось мало и я, скупясь, медленно лила ее на руки папы. Их тыльная сторона всегда была сухой, и даже вода, казалось, не промокала папиных рук по-настоящему – струйки впитывались в кожу бесследно, словно в песок.

- Лей! Еще.

- А мы с уксусом пельмени будем есть?

- С уксусом.

- С «суксуком»! – из кухни поправила мама.

- А я как сказал?

- Ты – не так.

«Суксук» - мое слово и мама берегла его, как и многое из нашего детства, в памяти и в записях на страницах старого фотоальбома. Пельмени с уксусом мы с Наташкой ели даже маленькими - в слабой консистенции, под чутким и ревнивым контролем мамы. Считалось, что он помогает переваривать «тяжелое» вареное тесто.

- А, может, с майонезом? – предложила мама.

- Нет!!

Майонез – это чуждое, никак не связанное с нашим представлением о пельменях. Лишь только – с маминым еще советским «Провансалем», жидким, кислым, серого цвета, но почему-то замечательным в «Оливье». То же ревнивое отношение – и к сливочному маслу: оно ослабляло пельменный вкус и насыщало желудки слишком быстро, не дав насладиться трапезой в полной мере.

- Ну с суксуком, так с суксуком...

Мама взяла неглубокое блюдо и положила в него немного фарша.

- У-у, какой аромат! Слюнки текут!

Глубоко вдохнув его запах несколько раз, она задумалась, прищурив один глаз и плотно сжав губы, внимательно посмотрела на потолок, скорее, по привычке, так как люстра днем не горела, высоко подняла брови, затем аккуратно поставила тарелку на стол, встряхнула головой и, наконец, поймав чих, залпом выпустила его из себя. Так запуливают вверх пробку из бутылки с шампанским.

- Раз ... два ... три ... - Мама чихала всегда семь раз – ритмично и смачно. Нам оставалось завидовать и повторять:

- Будь здорова... будь здорова... Бу-удь здоро-ва-а!

Папе я тоже говорила «будь здорова» - по привычке, так как в детстве считала эту фразу одним словом, без указания на мужской или женский род. Папа давно не обижался. Из таких же объединенных мною пожеланий были «спокононочи», «доброутро», «слехким-с-парком» и «мапа».

4.

- Я буду катать.

- Катай. Мать, давай скалку. Дочь будет катать. А мы будем лепить.

- А когда вы разрешите и мне лепить?

- А кто будет со скалкой? Я что ли? – Папа усмехнулся.

- Мама, давай ты покатаешь.

- У меня спина не выдержит. У тебя, Танюша, хорошие сочни, а пельмени - пока не умеешь! Учись!

- Как я буду учиться, если мне не дают...

- Ладно, девки. По местам. Века, мне вилку. Себе вилку. Для фарша.

- Сережа, нарежь тесто для сочной.

Папа уже и сам понял. Выпятив живот, не спеша снял с теста целлофан, отрезал от его бока большой кусок и принялся раскатывать в длинную колбаску. В шершавых руках тесто податливо – не то змея с узкой длинной и болтающейся головой, не то веревка. Раньше я съедала «змеиную голову», но потом стала брезговать – в сыром тесте замешаны яйца. Да и падает оно на дно желудка резиновым мячиком, как ни жуй.

И вот змея разрезана на части. Крупновато. Маме не нравится: сочни, а значит, и пельмени, получатся слишком большие. Я из-за маминой спины - с видом знатока:

- Да уж-ж!

- Не вертите, девки, попой, - папа брал куски теста и окунал их в кучку муки, сжимая с обеих сторон так, чтобы получались ровные кружочки, а потом слегка раздавил их. Мама помогала ему, а я, предчувствуя азартную гонку, взяла скалку и начала раскатывать сочни.

Надо успеть до того, как родители рассядутся по местам: папа возле холодильника, мама по другую сторону доски с мукой для вылепленных пельменей. Я – ближе к окну - тут у меня больше простора для работы локтями. Надо успеть, пока папа не взял в левую руку первый мой сочень, а в правую – вилку с фаршем, и пока мама не начала помогать ему, управившись с подготовкой доски.

Сначала тесто не поддавалось. Получались овалы, многогранники, но никак не круги - идеальная форма для будущего пельменя.

- У-у! – Папа взял в руки уже третий сочень. – Разучилась что ли?

Мама старательно, крепко сжав губы, положила в сочень фарш, отбросила вилку и - залепила края пельменя. Получилась идеальная шляпка с узкими полями и тонким узлом.

- Вот как надо. – Пельмень красовался на кончиках ее длинных пальцев. - Ты просто не умеешь. Тебя в детстве не научили. – Это реплика к папе.

- Я? Да я все умею. – Тихо сказал он. - На! – В его крупной ладони пельмень казался крохотным и тоже красивым, если бы не «шляпное поле». Он всегда лепил не аккуратные мужские «котелки», как мама, а гангстерские шляпы. Я посмеивалась.

- Что «на»? Это что? – Мама осторожно взяла у него пельмень. – Сергей, ты где такие видел? Ты зачем их переворачиваешь, когда залепляешь края?

- Нормальный пель-мень!

Мама положила его на доску рядом с другими, ею изготовленными «котелками». Там пельмени преобразались: выстроенные в точные ряды, они теперь похожи на солдат и офицеров в белых парадных мундирах. Если пельмень оказывался каким-то иным, пусть даже симпатичным уродцем, он сильно выбивался из общего ряда, словно новобранец, уставший от строевой муштры.

5.

Я продолжала катать, ритмичным жестом закидывая стол теперь уже круглыми сочнями. Вылепить бы пару пельмешек, пока папа не примется за очередную «змею».

- Таня, рот прикрой.

- А?

- «А»? – Передразнила мама. - Я говорю, когда что-то делаешь, рот закрывать надо. ...Когда мы с сестрой Ленкой были маленькие, бабушка – моя бабушка Шура – тоже лепила пельмени с дедом. Ча-асто лепили! И всегда крохотные, ро-овненькие. Настоящие уральские пельмени. И откуда у них, стариков, терпения хватало, не знаю. На-ле-пят бы-ва-ло! Нас позовут... Придешь к ним... Сядем. За столом шумно, весело. Скажешь, баб Шур...

- Я сейчас тоже слеблю.

- Ну лепи. Только не пукни от старания. И рот прикрой.

Папа приготовился наблюдать за мной и от удовольствия сам раскрыл рот.

- Да я... - в сочне оказалось слишком много фарша, – сейчас такой пельмень сделаю... - Шляпа испачкалась мясным соком, и я перевернула ее, с трудом залепив края, из которых лез фарш и кусочек лука. – На!

На кончиках моих пальцев лежал какой-то хмельной пузатый старикан в штатском. Его короткие ревматичные ножки, казалось, вот-вот дернутся.

- Это что? – Мама запястьем поправила очки.

- Пельмень, мать! – Громко произнес папа и снова стал похож на хитрого лиса. – Га-га!

- А зачем ты его перевернула? – Она брезгливо взяла старикана, чтобы как следует рассмотреть его пивное брюшко с ножками. - А края-то какие толстые и грязные! – Мама была всерьез подавлена. - Такого на доску! Вся в отца. Ну вся!.. В его родню... Бабы Лиды на вас нет. Вот уж она бы выдрала! За такие пельмени у нас на Урале... А как меня драла? Чтобы ровненькие, маленькие получались. Чуть что – как даст скалкой!

Папа вздохнул:

- Я-то думал, пацан родится.

Все продолжали лепить, а я сидела, уцепившись за скалку и боясь прикоснуться к сочням. Краем глаза отметила, что мой штатский старикан испортил весь порядок на мучном плацу.

– Думал, на ры-ба-ал-ку со мной ходить будет. В часть, на слу-ужбу - по танкам лазить. Ва-анькой тебя хотели назвать в честь отца. Ваню-юшкой... А помнишь это: «Снимите меня отсю-до-ва-а!»

6.

Папа громко рассмеялся и поперхнулся. Закашлялся. Эту историю, как и многие другие, всегда вспоминали, когда садились лепить пельмени. Еще в Чехии, во Френштате под Радгоштем, папа иногда брал меня с собой в военную часть – такие дни становились особенно счастливыми. ... В одном из боксов стояло много танков. Папа поднял меня, четырехлетнюю, на руки и, видимо, еще не забыв свою отцовскую мечту о воспитании сына, поставил на одну из машин. В этот момент папу позвали солдаты, он отошел. А вскоре все услышали: «Снимите меня отсю-до-ва-а!»

- Испуга-алась, «тамкист»!

- Конечно, оставил ребенка на танке, а сам ушел! Отец называется. – Маме этот случай представлялся не очень смешным.

- Да все не так было.

Я несколько раз за свою жизнь пыталась оправдаться, но никто не верил. И чтобы, наконец, выслушали, затараторила:

- Я не испугалась, а увидела, как на соседнем танке солдаты открыли люк - это же интересно! - я попросила быстрее снять меня, чтобы залезть на другой и заглянуть внутрь. Что там, в танке?

- Это ты сейчас так рассуждаешь. А тогда ты была слишком маленькой... «Тамкист»!

Вот и весь разговор.

Когда мы жили в Бикине, папа тоже брал меня в часть – чаще в праздники, на седьмое ноября или девятое мая. А тут случились будни, и мамы почему-то с самого утра не было дома, и папа не решился оставить меня, пятилетнюю, одну. Взял с собой в казармы. Я не знала, что такое «казармы», лишь смутно представляла со слов мамы, любившей напоминать своему мужу: «Если бы не я, ты бы до сих пор жил, как в казарме». Но то, что я увидела, мне понравилось: в папиной роте светло, просторно и очень чисто, постели солдат заправлены идеально гладко. Где-то в общей тишине бормотал телевизор. Папа был слишком занят и завел меня в каптерку, где сидел темноволосый солдатик. Он часто хлюпал большим горбатым носом. «Русланчик, посмотри за ней». - «Не волнуйтесь, Сергей Иванович», - гнусаво отозвался Русланчик и тут же нашелся, чем развлечь ребенка с короткой стрижкой и в вельветовых брюках. Достал несколько фломастеров, явно не советского производства, – яркие и тоненькие.

Я жадно накинулась на них и стала рисовать на бумажке, которую едва успел подсунуть услужливый Русланчик. Получался робот с антеннами и добрыми глазами, как во многих моих тогдашних каракулях. Я прищурилась и откинула голову назад, чтобы внимательнее разглядеть цветные линии. От удовольствия во рту стало сладко. «Серег, рот прикрой». – «Я не Серега», - роботу не хватало чего-то. – «Серег, давай ты меня тоже нарисуешь». – Я посмотрела на Русланчика. Потом на его солдатский ремень. – «Я не Серега, а Таня». – «Хорошо». У робота появился ремень с большой бляшкой. – «А давай, Серег, я сам тебя нарисую?» - «Нет», - я привесила роботу желтую медаль на грудь. У Руслана такой не было. Я сглотнула. «Ну ты молодец, Серег!» - «Я НЕ СЕ-РЕ-ГА!» - «Хорошо, Серег...» - Парень совсем растерялся. Он не понимал, почему я сержусь. «Я девочка!» - крикнула я, не отрывая взгляд от робота. Потом вошел папа и увел меня. «Приходи еще, Серег!» - радостно попрощался Русланчик и отдал рисунок.

Я его храню до сих пор.

7.

...Папа снова раскатывал кусок теста.

- Че улыбаешься-то? Ты катай, катай, не отвлекайся!

- А где Наташка? Наташк! – Крикнула мама.

- Че? – Сестра бесшумно зашла на кухню и встала возле свободной стены.

- Да ни че. Мы тут лепим. А ты чем занимаешься?

- Я? Ничем.
 - Она журналы изукрашивает.
 Наташка посмотрела на папу и смущенно улыбнулась.
 - Ты бы на улицу пошла прогулялась. А?
 - Не хочу.
 - А пельмени есть будешь?
 - Буду.
 - Ме-елины тож-же будешь? – Папа засмеялся. – Га! Га!
 «Мелины» – значит «пельмени». Это было Наташкино слово.
 - Ма-аленькие такие были, - папа ладонью показал на полметра от пола, – а уже мелины! На четыре части разрезали пельмень. И все: «Суксук, суксук!»
 - Да-а! Забавные были! Ой, даже не верится. – Мама вздохнула.
 - Таня бутылкой из-под пива сочни катала, аж язык высывала! Га, га! Помнишь, на фотографии?
 - Помню.
 Все вздохнули.
 - Века, доску другую давай. И воду на огонь ставь.
 И снова, уже вполголоса, сладко, как шаман:
 - Ставь, ставь.
 Он резал тесто на кусочки, на этот раз маленькие. Мама убирала доску, на которой красовался парад пельменей.
 - Не рано?
 - Не, нормально. Соли сразу.
 - Соли сам. У тебя глаз алмаз. – Мама гремела кастрюлями, ища самую широкую.
 - Влюбилась что ли? Я те дам... Лаврушки не забудь кинуть. Танька, а ты помнишь, как ты бутылкой рыбу ловила?..

8.

Обычно мы ходили на рыбалку в воскресенье рано утром. Меня брали, потому что я просыпалась и начинала проситься «тож-же», как говорил папа. ...Мама боялась рыбы, и я хватала пятерней мятущуюся на леске форель, чтобы она не шмыгнула в воду. Или начинала «ловить» на обычную палку, или бутылку. Мне казалось, рыба непременно «споймается»! Папа смеялся. У берега стояла маленькая скамеечка. Она цепляла меня за колготки. В руках кусок теста – корм для рыб – форель любит тесто, пахнущее валерьянкой и подсолнечным маслом. Мама взмахнула удочкой. И вот папино, азартное: «Тяни, тяни! Тяни-и!» Отодрала себя от скамеечки. Бегу к маме на помощь. Из тумана, оттуда, где кусты, послышался чей-то знакомый голос, наверное, папиного сослуживца: “Ну, Вера Васильевна! Поймала! Вы нам всю рыбалку испортите!”

А как хотелось пить, когда мы шли обратно, с речки мимо площади с ратушей и древнего каменного колодца! Папа сделал несколько снимков «Зенитом». Я позировала как будто неохотно, к тому же мама отчего-то сердилась, а папа, сменив ее у фонтана, примирительно подмигивал. Так и получились – мама в полуобороте с серьезными большими глазами, высокая, худенькая в рубашке и брюках-клешах, в руках очки; я – в белых колготках и теплой кофте, с палкой, с прищуром от утреннего солнца. А затем - усатый папа в своей рыже-полосатой рубашке с закатанными рукавами. Он казался совсем домашним. Мы не привыкли видеть его в штатском.

Дома родители сложили рыбу в раковину. Снова пахнуло речкой и валерьянкой. А в душной, пахнувшей постельным бельем комнате, было тихо-тихо. Шторы задернуты. Сестра, как ни в чем не бывало, спала сверху «баранбаном», раскинув кулачки по подушке. Я залезла на родительский диван с ногами в тапках, поближе к свернутому одеялу. Тепло. Если полежать с закрытыми глазами, то снова увидишь речку, потом дорогу домой и каменный колодец. Говорят, в древности чехи брали из него воду. Леску рвануло. Тяни, тяни-и... Бегу, бегу-у!..

- Так и уснула! Утомилась, Танюшка! – Мама покрутила в руках очередной пельмешек. Красавец!

- Эх, числолакия! – Вздохнул папа. Если кому из знакомых было не понятно, мама обычно поясняла: «Это Танюшка так в детстве говорила: «Числолакия!» Вместо «Чехословакии».

9.

- Наташк, ты бы хоть спела или сплясала че ли, – это папино предложение всегда вызывало у нас недоумение – мы с сестрой никогда не умели ни того, ни другого. – А ты помнишь... Га, га!

Все помнили.

- Как она тогда навернулась?! – У мамы этот Наташкин трюк до сих пор вызывал удивление.

Это случилось уже в Бабстово, за обедом. Надо было достать вилки и ложки и для этого открыть ящик в столе, за которым мы с Наташей сидели. Я рванула за ручку ящика со всей детской силой и локтем задела шестилетнюю сестру. От удара она упала с табуретки, кувыркнулась через голову. Потом сразу встала, подняла табуретку, села обратно к тарелке, и, взяв протянутую мной ложку, сосредоточилась на супе. И все молча. Никто не успел понять, как это случилось...

- Ты бы хоть заревела че ли... Во девка!

А затем папа громко затараторил свою любимую, им когда-то сочиненную в поезде, песню на частушечный мотив:

Самолет летит,
Мотор работает,
А там Наташка сидит,
Картошку лопает!
Картошка вкусная,
Да рассыпается,
А Наташка сидит да улыбается!

Вообще-то, песня была посвящена Наташкиному «баранбану», то есть животу, но она не была согласна, дулась на всех, спорила и так никогда не решили мы окончательно, кто летел в самолете, – Наташка или Танька.

...А там Танька сидит, картошку лопает!..

- Танька, а ты сейчас че рисуешь-то? Хоть рассказала бы. Отцу. А?

Я не знала, что ответить.

- Таня, расскажи, раз отец просит. – Мягко акцентировала мама.

- А помнишь, как ты сам рисовал? – Я давно хотела поговорить с ним об этом. – Где твои акварельные рисунки? А, помнишь, карандашом?

- Где?.. Не знаю, где. Поищи у себя.

Папа уже не придавал особого значения былым увлечениям. От них остались три разделочные деревянные доски с резьбой, с аккуратно выдолбленным рельефным рисунком, подкрашенным цветными карандашами, – папа изображал яблоки, виноград, высокий изящный бокал, с надписью «8 марта» и прочее. Доски были подарены маме еще в Чехии и всегда с тех пор, где бы мы ни жили, красовались на месте кухонного «фартука», под навесными шкафами. А рисунки пропали, и в моей памяти остался только один - его сюжет тревожил и мучил меня дурными предчувствиями многие годы.

Этот рисунок папа сделал в Бикине в период моего наивного увлечения роботами. На альбомном листе он набросал простым карандашом церковь с луковичными куполами и высокими крестами, тропинку к храму и на ней - две, похожие на нищих, фигурки. Женщина в длинной простой одежде и с опущенной в платке головой вела за руку маленькую, так же одетую девочку. Шли они к церкви. Получился вид сверху и чуть сбоку, а над всей панорамой, суровой, безвременной, безлесьной панорамой, парили черные вороны. Я спросила: «Кто идет по тропинке?» - «Это? Ты с мамой», - чуть улыбаясь, ответил папа. Казалось, вороны закаркали: га, га! – «Мы? Почему мы?!» - Казалось, моя рука была в маминой, и полы длинной юбки мешали уставшему

шагу. То ли весна, то ли осень. Зябко. И хочется есть. - «Не похоже, что ли?» - «Нет!!!» Колокола звенели призывно, но не радостно. И в маминой легкой руке я чувствовала отчаяние и беспомощность.

В моих рисунках с тех пор исчезли роботы, зато сразу появились длинные тропинки и церкви.

- Так, девки, лепить заканчиваем, перекур!

- Смотри, Сергей, осталось немного теста. Фарш весь вышел! Один в один почти.

- Тогда налепим ушек! – Попросила я. – Давайте ушки!

- Ушки так ушки, – согласилась мама и стала быстро соединять сочни посередке. – Но что хорошего в пустом тесте, не понимаю.

Папа ушел в ванную, оттуда послышалось улюлюканье крана, и вода, наконец, полилась. А в умывальнике загремела грязная посуда, на плите загудела большая кастрюля с солью и лавровым листом. На столе красовались две доски с одинаковыми рядами пельменей. В ровную массу офицеров и солдатиков, слепленных родителями, затерлись и несколько моих – не считая штатского, в основном ленивые, пузатые, в потертых кителях прапорщики... И еще были два заполненных по окружности, словно собралась воскресная публика на площади старого Френштата, больших блюда, которые потом убрали в морозильную камеру.

10.

И вот некоторое время, пока закипала первая порция пельменей, мы, по выражению папы, нагуливали аппетит, лежа на прохладных покрывалах кроватей, и думали о том, насколько сочен фарш, и стоит ли есть пельмени с бульоном – так их меньше поместится в желудок - и не окажутся ли они вообще, по нелепой случайности, разварены до дырок в мундирах... Но последнее быть не могло: тесто получилось упругим, но не тугим, и мама с папой хорошо знали, сколько времени требуется для варки каждой порции. Солнце ушло, оно должно было обогнуть весь пятиэтажный дом, чтобы потом, ближе к вечеру, оказаться в большом окне нашей гостиной и на кухне.

Хороший аппетит, самый злющий и нетерпеливый, конечно, не чета нашему, комнатному, естественно пришедшему вслед за легким завтраком. Хороший аппетит мы, еще маленькие и с родителями, нагуливали, например, в лесу с бабушкой Лидой. Она всегда шла впереди – легкой игривой походкой, в болоньевом плаще, с тяжелой корзиной, до зависти полной белыми, подберезовиками, сыроежками, иногда груздями. «Черт, черт, поиграй да отдай», - бормотали мы на ходу, а что толку: в усталых глазах сливалось все – и сухой бурый дерн, и гнилые ветки, и листья земляники с черникой, и шапки хитрых грибов, не хотевших, чтобы их нашли. И если попадалась многошляпная грибная семейка, за ее гостеприимство мы платили тем, что дико вопили на весь лес и подрезали всех, кроме самых маленьких. Бабушка, завидев семью первая, учила нас *уважению*: ступала еще тише обычного, говорила шепотом, наклонялась, не спеша, и аккуратно срезала грибы по старшинству, стараясь не нарушить подземный покой грядущего потомства. И у них будут дети, и они станут радоваться лесу, дождю и солнцу! И мы, нетерпеливая, шумная детвора, притихали от едва уловимого присутствия какой-то тайны, - тайны, которую знали только такие люди, как наша бабушка.

11.

На кухне пахло сигаретным дымом, лихо ныряющим в раскрытую форточку, но аромат вареных с лавровым листом пельменей ничем нельзя было перебить.

- Так-так, сказал бедняк..., - деловито бросил папа и хлопнул себя по ляжкам, видимо, приготовившись что-нибудь сплясать в кухонной тесноте.

Мама:

- Ты укус хорошо разбавил?

- Разба-авил.

- Вилки-ложки доставай.

- Таня, вилки-ложки доставай.

- Кто будет пробовать? – спросила мама.

Она достала с сушилки первую тарелку, выловила из кастрюлипельмень и медленно поставила блюдо на стол.

- Ну-ка! – папа потянулся к маленькому, с беленьким, будто атласным пузом и тонкими ножками – сколько раньше мы спорили, как «залепливать» тесто, чтобы узел был как можно тоньше! - похожему на раздобревшего генерала,пельмению. Пар от него устремился к форточке.

- Ну-ка отойди! – Я шустро разрезалапельменьвилкой, внимательно разглядела плотный узелок и положила кусочек в рот. Горячий! И сочный! Папа взял вторую половину, точным жестом окунув ее сначала в чашку с разбавленным уксусом, широко открыл рот, запустил тудапельмень, и, задумчиво, по-лисьи, скосив глаза в сторону, начал медленно жевать. Затем мы деловито закивали головами. Мама ждала только этого.

- Готово, Века! Накладывай!

Кпельмням у нас не полагалось делать салатов и дополнительных горячих блюд. И вообще никаких супов, закусок, пирогов, кроме иногда квашеной капусты и хлеба, к которым в такие дни тоже никто не прикасался, мы на стол не ставили. Конечно, не экономии ради, а в силу давно укоренившегося кулинарного снобизма: сегодня едим и смакуем только уральскиепельмени.

- Таня, зови Наташку.

- Наташа, иди суп хлебать!

- Га, га!

Это обычная шутка: «Суп вчерашний кто будет доедать? Гороховый!» Наташка на шутку не реагировала – привыкла. Папа сидел во главе стола, а мама стояла с шумовкой у плиты и раскладывалапельмени по тарелкам.

- Ме-елины! – С чувством произнес папа, глотаяпельмени один за другим. В чашке с уксусом уже плавали круги от мясного жира.

Я ждала, когда за стол сядет мама, иначе ей придется есть одной. «Мечите пореже», - обычно напоминала она и всегда ела не спеша, смакуя. Ее выдержки нам никогда не хватало. К тому же, папа считал, что здоровый человек должен есть много, быстро, с ярко выраженным чувством аппетита и получаемого от трапезы наслаждения.

- Ну, числолакия, сколько каждый из вас слопает? Эх, раньше съедали... Сколько я раньше съедал, Века? Сто мог зараз слопать!

- Ну да, сто.

- Ну пятьдесят.

Мама согласно кивнула.

- И один! Налопоешься-а бывало! От пуза! Во!

12.

Папина тарелка была пустой. И он смотрел в мамину.

- Бери.

- Да не. – Папа облизал губы, посмотрел в окошко и тихо засвистел, помахивая тапком под столом.

- Бери, говорю! Сейчас еще сварятся!

Трипельмени из маминой тарелки исчезли в одно мгновение.

- Ну ты даешь! – Не выдержала я.

- А ты помнишь, мать, как Танька: хвать апельсин! И - за мою спину! – Папа хитро скосил глаза, изображая меня. – Ты маленькая была. Не помнишь. А мать твоя с Наташкой в роддоме лежала. Ее долго не выписывали из-за высокого давления. И вот взял я тебя и пошел к ней – она скуча-ала по тебе, страсть! – а ты, дуреха, только до поворота из военного городка выйдем, все время в штаны обдывалась. Я тебе штаны поменяю, на руку посажу, дальше идем до автобуса. – Папа согнул локоть, изображая ношу. - Ты опя-ать!.. Других ползунков нет. Я тебя - домой обратно, к соседке, а сам - к матери. Прихожу, она: «А где Таня?». Я: «Так и так...» - развел руками. – «Другой раз обязательно с ней приходи». - Ну, ладно... Однажды я тебя все-таки донес – весь рукав кительный мне обкакала. Добрались мы до матери, прошу вызвать «пани Веру». Она,

конечно, к тебе тянется на руки взять, а ты ни с того ни с сего – за мою спину спряталась! Она тебе апельсин протягивает, а ты – апельсин хвать! – и снова за меня! Что тут мать... Разревелась! Ты, говорит, ей обо мне не рассказываешь! «Она забыла меня!» - и плачет...

Мама стояла у плиты и помешивала пельмени в кастрюле, гудящей и вот-вот готовой закипеть.

- Ну, - мама положила на папину тарелку пельмень из второй порции, - я к ней – а она от меня. К отцу жметесь... Пробуй, на!..

- Накладывай. Говорю, накладывай-ай! Готово. – Папа едва не обжег небо. – И соль нормально. Больше воду не соли... Тая, язык покажи! Ты бы пореже пельмени в уксус макала!

13.

- Пап, еще че-нибудь расскажи!

Пока в тарелках пусто, охота поговорить.

- А че рассказать-то?

- Как вы с мамой до нас с Наташкой жили.

- В Числолакии? А как? Вера оставалась в Союзе, пока я служить начал во Френштате... Боялась рожать в Чехословакии. Напугал ее кто-то: «Там опа-асно! Происки антисоветчиков!» Я ей пишу: «Приезжай, Верунчик. Тут такие магазины. Сама увидишь»... Мне накладывай с горкой... Накладывай, накладывай!.. – Папа снова макал пельмени в уксус и целиком глотал их. – Она приехала - я ее не встретил: срочно на полигон отправили. Поручил беременную жену Русанову, взводному. Вера зашла в квартиру...

- Ага, а там шаром покати... - Мама говорила так, будто все случилось только вчера. - Мебель казенная, комнатка маленькая, холодная! Легла на солдатскую койку и давай реветь! Потом уже купила обогреватель...

- Я приехал... Ну, дальше ты родилась. Заболела почти сразу воспалением легких... Помню, мать тебя качает, а ты все реवेशь и реवेशь не переставая. Она вся была измученная тобой. Я прихожу, беру на руки – на ладони помещалась! Во! – Папа показал открытую ладонь. - Ма-аленькая была! - и успокаиваешься, вроде. Странно: у матери орешь, у меня – сопишь спокойно. Мать чуток отдыхает. Однажды всю ночь тебя укачивал. Вера дремлет слегка, а я по комнате хожу. Держу тебя, боюсь дернуться как-нибудь. Утром – на полигон собираюсь, не спавши, а мать снова с тобой возится...

- Молодые были, глупые: Сергей – вчерашний курсант, мне – двадцать один год. Вот и застудили. Такой холод в квартире... - Мама помолчала. - В больницу ложиться с тобой, трехмесячной, отказалась. Врачу говорю: «Я медсестра и сама дочку вылечу. Только рецепт напишите, чем колоть».

- Забавные были... Суксук, суксук. Пельмень на четыре части... Тамкист. «Снимите меня отсюда!»!

- А сейчас? Большие.

Истории эти я знала с раннего детства. Но каждый раз в рассказах родителей появлялись новые детали, и каждую я ловила, чтобы встроить в мозаику памяти. И так всегда – шаг за шагом, слово за словом. Но до сих пор, чем дальше удаляюсь от первых разрезанных на четыре части пельменей, тем тусклее становятся самостоятельные, не рассказанные ощущения раннего детства. Протираешь стекло, а оно еще больше запотеваает.

Третья порция всегда подавалась с бульоном, съедалась медленно и обычно с критикой в адрес теста, фарша, лепки, варки. Такое у нас бывало на сытый желудок.

- Ну, что, Сергей? – спросила мама. – А-а? Как?

- Хорошо, Века. Нету слов... Слов нету. – В этот раз папа не был расположен к критике. Лицо его осоловело, губы лоснились. - Наелись от пуза!

- А-а, девчонки? Довольны ваши душеньки?

Мы с сестрой не спеша доедали. Наваристый после почти сотни пельменей, бульон в конце нашего пира был, как торжественный марш-прощание, когда под ноги бросают цветы, целуются и льют слезы. И хорошо, и грустно отчего-то...

